

Наталия Мазова

Золотая Герань

Наталия Михайловна Мазова
Золотая Герань
Серия «Магистр», книга 2

текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171647

Аннотация

Повесть "Золотая герань" – романтическая история, действие которой происходит в альтернативной вселенной. Девушка и юноша знакомятся во время экскурсии по древней Плескавской крепости, между ними вспыхивает стремительный роман... Но то, что стало Великой Любовью для нее, для него – лишь способ продолжить род магов, путешествующих по бесконечной цепи миров...

Содержание

***

Конец ознакомительного фрагмента.

5

26

Наталия Мазова

Золотая Герань,

или

Альтернативная

история просто Марии

с элементами фэнтези

*Марии Кузнецовой, более известной как
Беладонна, и Мари Еремеевой, нашему человеку в
Прибалтике. Счастья вам, девчонки – если оно
вообще возможно....*

*Безумный голос Гавриила:
«Благословенна ты в женах!»
Е. Дмитриева*

*Пусть твердят о Господе -
Верю лишь в огонь!
С. Бережной*

Пожалуйста, не обращайтесь внимание на заголовок. Никакая это не фэнтези и тем более не альтернативка.

Это – женский роман.

Мужчинам данный текст лучше вообще не читать – ничего особенно интересного для себя они не найдут. Прочитайте эти тридцать страниц, либо заархивируйте эти сто килобайт и уберите на вечное хранение – кто как привык....

Ибо это типичнейший женский роман со всем положенным в данной ситуации антуражем. Есть вполне уважаемая страна, где уже не первое поколение воспитывается на сериалах. Есть героиня – самое то, что надо. В меру замкнутая, в меру стандартная и достаточно женственная. И, что немаловажно для женского романа – страстная, но еще никем не разбуженная, ибо ни разу не была с мужчиной. И герой, конечно, есть – весь из себя романтический соблазнитель. Не совсем, правда, понятно, откуда он такой взялся, но ведь у нас женский роман, а не реалистический, не так ли?

С романтическим местом действия несколько хуже. Тут было бы уместно лето и море – лучше всего тропическое, – а не засыпанный снегом городок в провинции Гингара, живущий в основном за счет доходов с туризма. Он даже не в горах – а это уж совсем непростительно! Но.... зато скоро Рождество, а значит, будет карнавал. Карнавал – это весьма эротично,

это украшение любого женского романа! Так что еще ничего не потеряно, и из всего этого вполне можно было бы сделать еще одну типичную книжку серии «Алая роза», если бы....

Если бы весь этот головокружительный роман не уложился ровно в неделю. А что за это время можно успеть? Это только Господь наш за семь дней сотворил целый мир, но мы-то всего навсего простые смертные, и за семь дней ничего путного сотворить не в состоянии – не то что на алую розу, но даже на какой-нибудь бледно-лиловый ирис, и то не хватит.

Разве что на герань....

* * *

– ....Это она и есть?

Линтар кивнул.

Время там, в разрыве, как всегда, текло медленнее, чем субъективное, и движения высокой белокурой девушки казались странно замедленными, словно она шла сквозь воду. Крупные правильные черты лица под вязаной шапочкой, изящная короткая шубка с пышным воротником и манжетами из черной ламы....

Повстречай он такую в одном из своих странствий – пожалуй, снизошел бы до легкого флирта без отягчающих последствий.

– Подойдет, – бросил он почти равнодушно. – Впрочем, я

всегда знал, что ты разбираешься в моих вкусах.

– Давай тогда, – Линтар слегка подтолкнул его в спину. – Сейчас идеальный момент – она одна.... Ну – три, два, один, пуск!

Он нервно усмехнулся, в последний раз глянув на Линтара – и шагнул в разрыв, как в омут с головой.

.... – Башня справа от Арсенальной называется Нейнситорне, что в переводе со среднего эсти означает – Девичья. Обратите внимание на очертания ее кровли и ажурное чугунное литье на выступах крыши – это сравнительно новая постройка по сравнению со всей остальной крепостью. До начала XV века, судя по сохранившимся гравюрам, на этом месте стояла точная копия башни Виланде, но в 1403 году, когда Плескаву осадили войска воленского князя Денисия Отважного....

Маре стало скучно. Нейнситорне, бесспорно, была красивейшей башней Плескавской крепости, но она уже успела сфотографировать ее с трех разных ракурсов. Последний кадр, с белой голубкой на фоне того самого ажурного литья, должен был выйти особенно удачным. А рассказы экскурсовода – ну кому они интересны? Кого сейчас, в век скоростных дорог и телевидения, волнует какая-то война полтысячелетней давности!

Странно – почему в обществе, которое уже шестьдесят лет как живет в мире, все это время не смолкают рассказы о про-

шлых войнах? Особенно о последней, с Восточной коалицией.... Этой скукотищей Мару еще в школе замучали. Впрочем, истории о том, какой воленский князь чего не поделил с каким из ругийских кенигов – ничуть не интереснее....

– Слушай, Генна, полезли на Северную галерею! – толкнула Мара в бок художницу Геновеву из Ковнаса, с которой успела близко сойтись за эти два дня. – Говорили, что там свободный проход, а мне хочется парк сверху щелкнуть....

– Да подожди ты! – нетерпеливо отмахнулась Генна. – Тебе бы все щелкать.... Зачем тогда с экскурсией пошла? Лазила бы одна да снимала, а я послушать хочу – интересно!

– Кому как, – не стала спорить Мара. – Я тогда одна полезу, встретимся у ворот, где киоск с сувенирами. Впрочем, если задержусь, не жди – не так уж мне и хочется в этот заповедник деревянного зодчества....

Вид с галереи действительно открывался фантастически красивый. Заснеженный склон высокого холма, на котором стоит крепость, а ниже, в бывшем рву – серебряное кружево тонких ветвей, покрытых инеем – вдаль, насколько хватает взгляда, и лишь в самом далеке, на фоне чуть розоватого зимнего неба, угадываются силуэты современных городских зданий....

Мара прикинула ракурс. Да, конечно, именно так, чтобы край карниза чернел на этом дивном фоне. На цветной пленке «Красо» это будет выглядеть изумительно!

Эх, надо было все-таки настоять, чтобы Генна тоже сюда

слазила. Кто меня теперь снимет на фоне стены и всего этого великолепия?

– Любуетесь? – неожиданно раздался за спиной мужской голос. Мара обернулась – что за чудо, буквально минуту назад она была совсем одна на галерее....

За ее плечом стоял высокий молодой человек в модной спортивной куртке, синей с голубым. Голова не покрыта, но незнакомец и не нуждался в этом – непокорно выющиеся, давно не стриженные золотистые волосы наверняка защищали от холода не хуже любой шапки.

– Правда, дивное зрелище? – снова спросил незнакомец, глядя не на Мару, а куда-то вдаль за ее плечом. – Словно застывшее море, ледяная серебряная пена....

– Вы очень кстати оказались здесь, – Мара расщедрилась на самую обворожительную из своих дежурных улыбок. – Могу я вас попросить об одной любезности?

– О какой же? – незнакомец в голубой куртке улыбнулся в ответ.

– Я сейчас залезу вон на тот выступ у стены, чтобы и башня в кадр попала, и деревья, а вы меня отсюда сфотографируете, ладно?

– С огромным удовольствием.... только, увы, я абсолютно ничего в этом не понимаю.

– А вам и не надо понимать. Я сама все установлю, как надо, – Мара торопливо защелкала рычажками и кнопками своего «Контраста», – а вам надо будет только поймать меня

вот в это окошечко и нажать белую кнопку. Понятно?

– Что ж, давайте попробуем, – он принял аппарат из ее рук, и Мара легко запрыгнула на выступ стены.

– Внимание.... Сейчас.... отсюда.... вылетит.... птеродактиль!

Она невольно рассмеялась, и в этот момент раздался щелчок объектива.

– По-моему, прекрасно вышло, – заметил незнакомец.

– Ой, а вы еще один кадр не сделаете? – спросила Мара. – А то из-за вашего птеродактиля.... вы знаете, я стараюсь никогда не смеяться в кадре – скулы.... Видите там, сбоку, рукоятка – ее надо оттянуть до упора, и снова на белую кнопку....

– Лучше сами оттяните, – незнакомец подошел к ней, протягивая аппарат. – Я настолько боюсь что-то испортить....

Мара нагнулась к нему – и тут ее левая нога неожиданно поехала по тонкому слою снега, которым был присыпан выступ, она потеряла равновесие – и не успев понять, что происходит, в ослепительной вспышке ужаса, в следующую секунду уже висела по ту сторону галереи, пытаясь вцепиться в холодный белый камень кромки стены, но ногти обламывались, и пальцы скользили, и руки ее уже готовы были разжаться.... И тогда запястья ее плотно охватили руки молодого человека.

– Так, осторожнее, сейчас я перехвачу вас повыше.... Вот так. Теперь кисти у вас свободны, оторвите их от стены....

да не бойтесь же, я крепко вас держу!.. и перехватитесь за край галереи.... хорошо, а теперь подтягивайтесь, я помогу вам рывком....

Оказавшись, наконец, в безопасности, Мара без сил осела на каменный пол, впитывая снег модными шерстяными брюками.

– Ну, все, все, – рука незнакомца скользнула по ее голове, по плечам, накрыла ее ладонь. – Все уже кончилось, вы в полной безопасности.... Угораздило же вас оступиться.... Знал бы, ни за что не пустил бы вас на этот выступ!

– Ничего, – отмахнулась она. – Просто слабость.... ноги не держат.... Кажется, я уже успела умереть там, на стене....

Какое-то время они молча сидели на полу галереи – Мару билa крупная дрожь, и он успокаивал ее, как умел....

– Ну теперь сам бог велел нам познакомиться, – произнес незнакомец, когда Мара перестала дрожать. – А то как-то оно неправильно – спасти очаровательную девушку и даже имени ее не узнать....

– Мара Юланте, – протянула она все еще вялую руку и была несказанно удивлена, когда он почтительно коснулся губами ее холодных пальцев.

– Мара – это Маргитт? – переспросил он с улыбкой. – Или Мартина?

– Мариллия, – неохотно призналась та. – Терпеть не могу это старомодное имечко.

– А по-моему, имя матери Спасителя выше какой бы то ни

было моды, — возразил он. — Прекраснейшее женское имя! Да вы только послушайте, как звучит-то — Мариллия.... — он произнес это как-то странно, чуть нараспев, с легким акцентом, так что получилось — «Марийя». — А меня зовут.... — он чуть помедлил, — Лодор Угнелис.... хотя вообще-то в паспорте написано — Лазор.

— Лазор? Так вот почему мне показалось, что вы говорите со славским акцентом.... Значит, вы....

— Я из Ледограда, — спокойно ответил он. — Ругианец и ругиландский подданный, но большую часть жизни провел в Вольном Городе. А вы, судя по фотоаппарату, тоже не местная?

— Да, я из Двериса. Учусь там пятый год, если повезет, и работать осяду. А родители в Алдонисе, на побережье, — Мара поднялась на ноги, отряхивая брюки и коротенькую шубку.

— Ну что, пойдем отсюда? — он тоже вскочил на ноги одним гибким движением.

— Нет, подождите.... Лазор.... Кажется, у меня больше не трясутся руки. Теперь я вас хочу сфотографировать. Нет, не на стене — просто вот так облокотитесь о парапет, чтобы получилось на фоне.... как вы тогда сказали — ледяной серебряной пены?

(Так, завязка вроде есть. Герой пока ведет себя героически и весьма правильно — ну что может быть более избито и

канонично, чем познакомиться с девушкой, спасая ее в беде? Так держать – и получится отличный женский роман!)

Когда они подошли к киоску с сувенирами, там, естественно, не было уже никакой Генны. Все правильно, автобус с экскурсионной группой уже полчаса как уехал в тот самый заповедник деревянного зодчества, куда Мара совсем не рвалась.

– Теперь вернуться не раньше пяти, – Мара бросила озабоченный взгляд на часики. – Даже не знаю, что делать.... В Славском районе, где старинные церкви византийской веры, я уже была....

– Слушайте, Мара, я знаю тут поблизости одно маленькое и очень уютное кафе. Если вы не против, мы могли бы неплохо посидеть там и отметить наше.... э-э.... случайное знакомство.

– Разумеется, я не против, – ответила Мара как можно более спокойно и сдержанно. Этот Лодор-Лазор чем-то привлек ее с самой первой минуты, но было бы недостойно и неправильно показать это первой. В конце концов, она не какая-нибудь Генна, а единственная дочь профессора химических наук Юлантиса, девушка из семьи в высшей степени уважаемой....

Декабрьский день, один из самых коротких в году, медленно клонился к закату. Они шли по узенькой тропинке через парк, и снег похрустывал под их каблуками....

.... – Знаете, Мара, это у меня, наверное, что-то вроде навязчивой идеи – в любом месте, вроде этой крепости, не успокоюсь, пока не заберусь повыше и не полюбуюсь, как там оно сверху.... Из-за этого у меня один раз, еще в школе, вышли серьезные неприятности. Наш класс по международному обмену на два месяца отправили в Венку, в город Агату. Ну, как водится, тоже водили по всяким достопримечательностям – и в том числе затащили в византийский монастырь. Ходили, смотрели, никто за нами особенно не следил.... А был у нас в классе такой Ксавер Раески, с которым всегда что-то случалось. И поспорил он с со мной и еще двумя мальчишками, что залезет на монастырскую колокольню и прозвонит первую фразу старого государственного гимна Ругиланда, еще довоенного. Так сказать, в назидание потомкам. Слово за слово.... короче, я вызвался лезть вместе с ним. Якобы для контроля.... Самое смешное, что мы действительно залезли и действительно позвонили в колокола....

– И что с вами было после этого? – спросила Мара, затаив дыхание. – Вас же могли сразу же выслать из страны – за старый-то гимн.... Там же есть слова, которые венцы всегда расценивали как оскорбление национального достоинства!

– А вот и нет, – усмехнулся Лазор. – Нам, конечно, попало, но не больше, чем за обычное хулиганство. Дело в том, что звонить в колокола не умея – дело совсем не простое. И при всем музыкальном слухе Ксавера – кстати, я ему не

помогал, – вместо «Вечно стоять Ругиланду» у него вышло нечто, больше всего похожее на воленскую народную песню «Там за Танаис-рекой».

Мара тихонько фыркнула, представив себе это.

– А вот и кафе, – Лазор потянул на себя тяжелую дубовую дверь, над которой светилась вывеска «У старой лошади».

Они расположились в уголке, там, где за их столик не смог бы подсесть никто третий и куда почти не падал свет. Молодая официанточка, поглядывавшая на Лазора с откровенным интересом, принесла им кофе-гляссе, пирожные, желе и небольшую бутылочку «Черного бальзама» – как раз на два бокала....

– Такие деньги.... – непроизвольно вырвалось у Мары.

– Мари.... Можно, я буду звать вас Мари? Вам так больше идет.... Так вот, Мари, я уже говорил, что получил аванс в «Новостях Гинтары», и весьма приличный. И здесь отмечаю не только знакомство с вами, но и свое новое назначение.

– А раньше где работали?

– Два года в Гайе. Дыра дырой, Плескава по сравнению с ней просто метрополия. Никаких событий и тупая окружная многотиражка.

– Так это значит – сколько вам лет?

– А сколько дадите? – он хитро прищурился.

– Ну, если уже два года работали, то двадцать три, может быть, двадцать четыре....

– Последняя цифра абсолютно правильная, – улыбнулся

Лазор.

– А что, я так молодо выгляжу?

– Именно что молодо, – Мара ковырнула ложечкой желе. – То есть – от двадцати до тридцати, точнее определить невозможно. А мне вот только двадцать, в мае будет двадцать один. Пятый курс, короче.

– И конечно же, медицинского? Веяние времени....

– Почти угадали. Тонкая химтехнология, кафедра фармахимии.

Диплом пишу по инсулину человека и животных. А в медицинский я недобрала одного балла, не пропускать же было год....

– Какая вы положительная, Мари, – он снова усмехнулся лукаво и маняще. – Серьезная современная девушка. Не то что я, старый разгильдяй – журналисты и все-то такие, а уж я....

Слушайте, положительная и серьезная Мари, а вам не кажется, что обращение на «вы» между нами выглядит немного нелепо?

– Не знаю.... – растерялась Мара. – Так положено.... мы ведь только сегодня познакомились....

– Да, но зато при каких обстоятельствах! Впрочем, если вас больше устроит полное соблюдение ритуала, то здесь как раз хватит «Бальзама». Ну что, выпьем?

Его янтарные глаза смотрели на нее так призывно, что она не могла не кивнуть. Лазор быстро разлил по бокалам содер-

жимое бутылки, и они переплели руки.

– За тебя, прекрасная Мари!

– За тебя, Лазор.... – она пила, не отрывая взгляда от его смеющихся глаз, а допив, продолжала держать бокал в руке, как какое-то сокровище....

– Э, Мари! – Лазор осторожно тронул ее за локоть. – Ритуал не окончен! Этого вполне достаточно, когда мужчины пьют между собой, но когда мужчина пьет с дамой, обряд положено скрепить поцелуем.

В другое время она, несомненно, отказалась бы – но черная отравка из глиняной бутылочки уже проникла в ее кровь, а глаза Лазора мерцали так чарующе.... никто и никогда за двадцать лет не смотрел на нее – так....

– Что ж, если так положено.... – Мара придвинулась поближе к своему спутнику, его рука легла ей на плечи, губы коснулись губ – и словно волна отлива властно подхватила ее и увлекла за собой, и целую минуту она была – нигде.... пока Лазор не оторвался от нее первым.

– Черт, да ты потрясающе целуешься, серьезная девушка Мари! – весело воскликнул он. – Немногие могут потягаться с тобой в этом искусстве!

В ответ Мара лишь вспыхнула. Она, безусловно, была современной девушкой, и этот поцелуй был далеко не первым в ее жизни – но ТАК прежде не бывало ни с кем и никогда....

– Если так целоваться в первый же день знакомства, то что же делать во второй? – как во сне, произнесла она где-

то вычитанную фразу.

– А ты придумай! – подмигнул Лазор. – Как скажешь, так и будет!

Мара задумалась.

– А у тебя какой спорт? – спросила она наконец.

– Ну, прежде всего плавание....

– Это не в счет, – усмехнулась Мара. – Перкумис, или Ле-доград, как ты его зовешь, все-таки приморский город, хоть и Вольный, так что плавание – это не спорт, а образ жизни. По себе сужу. Нет, я про секцию спрашивала.

– Ой, тут у меня тоже все не как у людей, – рассмеялся он.

– Ты будешь долго хихикать....

– А все же?

– Фехтование, тяжелая шпага. Но зато уж тут совсем немного не дотянул до кандидата в мастера – распределили в Гайю, а там подобной секцией и не пахло....

– Да, редкий спорт.... – протянула Мара. – Нет, у меня самые обычные коньки. Разряд получала по фигурному катанию, но бегаю тоже неплохо. Это я к тому и спросила, что хотела предложить тебе завтра на каток....

– Нет уж, уволь, прекрасная Мари – вот если и есть на свете что-то ну совершенно не мое, так это коньки.

– Странно, при твоей-то гибкости.... Ты ведь двигаешься куда легче меня. А как насчет лыж?

– Вот это другое дело. Это мы всегда пожалуйста....

Официантка подошла со счетом, и Лазор небрежно бро-

сил на блюдец двухсоттысячную бумажку – Мара только охнула.

– Я же говорил – вполне приличный аванс, – спокойно сказал он, пока официантка набирала в кассе сто восемьдесят тысяч сдачи. – Вот и представился случай разменять!

Когда они вышли из кафе, уже совершенно стемнело. Свет фонарей не падал в тупичок, где находилось кафе, словно не желая мешать серебряному сиянию растущей луны, которое превращало снег под ногами парочки в светоносный ковер....

– Значит, завтра в десять, на остановке Сосновая?

– Именно так. Ты настаиваешь, что тебя не стоит провожать?

– Ой, да здесь до нашей гостиницы пятьсот метров, да все по проспекту, а мне почему-то совсем не хочется, чтобы тебя видели Генна и другие....

– Как велишь, прекрасная Мари. До завтра, в таком случае.

– До завтра, Лазор....

(Великолепно! В меру банально, слегка пошло, но главное – в первый вечер уже поцеловал! Все идет по плану! Правда, что-то мне в этом романтическом герое кажется слишком – при чем тут, к примеру, тяжелая шпага? Для современного женского романа это очевидное излишество. Вот если бы мы писали вещь из времен кенига Витуса.... а в конце XX века

какая может быть шпага? Нет, явный перебор, придется поставить герою на вид....)

Илзита, официантка «У старой лошади», подсчитывала выручку за день. Беспокойный денек выдался, прямо скажем – от клиентов отбою не было. Даже эти две двухсоттысячные некогда было положить отдельно – так, пихнула не глядя в ящик к остальным деньгам. Так, вот одна.... а вторая где же? Святая Каристена, а ЭТО что такое?!

На ладони Илзиты лежала странного вида фиолетовая бумажка.

Официантке приходилось держать в руках и венские талеры, и воленские гривны, и даже саксонские соверены – но ЭТО не походило ни на одну из известных ей валют: большой цветок, похожий на лилию, и в чашечке его число 100. Сто цветов? Нет, вот в уголке надпись.... «satem florinnat».... чертовщина какая-то!

Откуда здесь взялась эта бумажка?! Как бы я ни крутилась, а ТАКОЕ по ошибке и в страшном сне не схватила бы! А главное, куда девалась вторая двухсоттысячная? И что я теперь хозяину скажу? Если заставит отдавать – это же год обсека клиентов прахом пойдет!

Ну кто, кто подсунул мне эти «satem florinnat»? Парень, который ушел час назад? Да нет, не мог, тогда народу уже поменьше было, я четко видела, что беру.... Значит, та дамочка с противной ань-вэйской псинкой, которая чуть не тяпнула

меня за ногу.... Точно, она, больше некому – клянусь целомудрием Хельхи Равноапостольной! А еще в парике, шлюха!..

* * *

«Поступи вопреки разуму – не в нем сейчас мудрость....
Пройди дорогой нехоженой, приходи в землю женщин и деву отыщи, плоть от плоти земли сей, дочь Города, что лишь вступила в заповеданный брачный возраст.... Спрячь росток под снегом, камнем укрой огонь от глаз недобрых – и победишь!...»

Слетев с горы, Мара на полной скорости затормозила поворотом – только снежная пыль взметнулась веером, обдав с ног до головы и ее, и Лазора.

– Ну как? – задорно улыбнулась она.

– Покорен и раздавлен. Признаю свое поражение, – Лазор перчаткой смахнул с лица снег. – Командуй, куда теперь.

– А давай через заводь по льду, туда, к узкоколейке!

– Ну что ж, тронулись. Только я первый, а ты за мной – я все-таки немного, но тяжелее, выдержит лед меня – значит, и тебя должен....

Скользя за Лазором по пролагаемому им следу, Мара любовалась снежной пылью, осыпавшей завитки его волос – серебро на золоте, и одно так незаметно перетекает в другое....

До чего же все-таки непохож этот журналист из Вольного Города на всех, кто когда-либо пытался за ней ухаживать! В том числе и той веселой легкостью, с которой он не боялся признавать свои слабости.... И эти его волосы.... До сей поры Маре нравились только мужчины с аккуратной короткой стрижкой типа «пилот-испытатель» – она и сама носила короткое каре, считая, что волосы только мешают. Но у Лазора – Мара не могла этого не признать – сколько ни стриги это отливающее медом великолепие, все равно завитки будут торчать в разные стороны, так что так, когда они прикрывают шею, даже лучше.... Стильно.

(Она обожала это слово.)

Выбравшись на берег, они пошли вдоль узкоколейки, за заводью круто бравшей вправо и терявшейся в молодой ивовой поросли. Приходилось все время быть настороже, чтобы не повредить невзначай лыжу.

Выйдя из зарослей, узкоколейка нырнула в небольшой тоннель, проложенный под автострадой. И – то ли по капризу дувших в эту зиму ветров, то ли по замыслу строителей – снега не было не только в тоннеле, но и на пятьдесят метров перед ним. Только легкая поземка вилась по смерзшемуся песку.

– Вот это и называется – смерть лыжам, – Лазор с размаху вонзил палку в снег. – Что будем делать, прекрасная Мари – малодушно повернем назад или пройдем под мостом, а там снова наденем лыжи?

– Конечно, не будем ждать милостей от природы, – в тон ему ответила Мара. Отстегнув крепления, она сделала по песку два шага – и охнула от боли.

– Что с тобой? – забеспокоился Лазор.

– Да сухожилие опять потянула.... Это у меня еще от коньков, так называемое привычное растяжение. Пока скользишь, не больно, а вот обычным шагом.... Даже не знаю, когда это я сегодня успела.

– Наверное, тогда и успела, когда на трамплине упала, горюшко ты мое.... Давай садись на эту корягу, посмотрю твою лапку.

– Не глупи, Лазор! – запротестовала Мара. – Какой осмотр на таком холоде! Лучше повернем назад, скользить-то совсем не больно, а до транспорта как-нибудь добреду.... А в гостинице сделаю массаж, подбинтую эластичным бинтом – не впервой....

– Давай-ка без героизма, прекрасная Мари, – он почти силой усадил ее на корягу и начал расшнуровывать ботинок. – Не ты одна спортом занимаешься, а раз врач сказал – в морг, значит, в морг! Удобные у тебя штаны – расстегнул снизу змейку, и разрезать не надо.... Так.... Вот здесь болит?

– Нет, чуть левее, где косточка.... Ой!

– Ничего, сейчас все исправим.... Ты только держи ее вот так, на весу, – с этими словами он снял перчатки и пару раз как-то странно дернул кистями, словно воду с них стряхивал. А потом.... руки его скользнули над ее ногой в санти-

метре от кожи, и хотя он даже не дотронулся до нее, Мара явно ощутила тепло, растекающееся по больному месту. Раз, другой, мягко и упруго поводя ладонями, делая пальцами поглаживающие движения – но по-прежнему не касаясь.... Тепло уже охватило всю ступню, да не тепло – жар, словно не сдернули с нее носок на легком морозе, а наоборот, протянули к печке. И в тот момент, когда жар стал уже едва выносимым, он с силой опустил руки на ее щиколотку. Мара уже приготовилась вскрикнуть от боли – но боли не случилось. Он с силой разминал ногу, но она чувствовала лишь наслаждение напряжения, какое бывает, когда потянешься со всей силы, до хруста в косточках....

С какой-то странной отрешенностью она подумала, что руки у него очень изящные – узкие ладони, длинные пальцы.... Такими руками.... во всяком случае, не удерживать на обледенелой стене шестьдесят с лишним килограммов ее веса! Не случись это с нею самой – и не поверила бы....

– Вот так совсем хорошо.... Слушай, Мари, ты девушка хозяйственная, может быть, у тебя прямо с собой бинт есть?

– Угадал, как всегда. Возьми в кармане на колене, тебе отсюда удобнее.... Знаешь, я еще никогда не видела такой странный массаж. У тебя такие руки.... почему только ты не пошел в медицину? Стоит только дотронуться – и боль как рукой снимает!

– Потому и не пошел.... – непонятно ответил Лазор, бинтуя ее щиколотку. – Не мое это – целительство.... И то, что

я сейчас проделал с тобой, у меня получилось бы далеко не с каждым.

– Почему?

– Как бы объяснить тебе.... Понимаешь, ты как бы дополнительна мне. Не во всем, правда, но во многом. У вас в науке химии это, кажется, называется – принцип комплиментарности. Поэтому то, что я могу отдать, ты способна воспринять лучше других.

– Как-то непонятно....

– Может быть, потом поймешь.... Все в порядке, теперь надо просто посидеть, отдохнуть минут двадцать, просто чтобы лапка немного остыла – и будет как новая!

Он присел на корягу рядом с ней – места едва-едва хватало для двоих, и Лазору пришлось обнять Мару за плечи. Молчание повисло между ними. Даже сквозь толстый свитер и куртку Мара ощущала тепло рук, обнимавших ее – Его рук.... Черт возьми, всего два дня знакомы, а она уже думает о Лазоре, как о Нем....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.